

Др я в щ я Др я в о с я в я в ш

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. Летопись единоверческой жизни. 1
2. Ученые о Церкви. *Н.И. Сазонова. Исправление богослужбных книг при патриархе Никоне и эволюция религиозного сознания* 19
3. Богослужение. История Единоверия. *Богослужение в единоверческих храмах. Традиции, обычаи, проблемы и современное состояние* 27

ДЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Крестный ход, посвященный Иеросалимской иконе Божией Матери

ДЕТСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА СЕЛА МИХАЙЛОВСКАЯ СЛОБОДА

26 ДЕКАБРЯ/8 ЯНВАРЯ 2010/2011 ГОДА во второй день праздника Рождества Христова, когда Святая Церковь прославляет Пресвятую Богородицу и Ее Честный Собор, в Михаило-Архангельском единоверческом храме состоялся детский Рождественский праздник.

После окончания Божественной литургии учащиеся воскресной школы храма и юные гости из других мест собрались в трапезной, чтобы порадовать своими талантами родителей и гостей праздника.

Рождественский концерт подготовили и провели учащиеся старшей группы воскресной школы Илия и Роман Крапивкины, Юлия Шишкина и Вера Саранча.

Участники детского праздника исполнили произведения классической и народной музыки, духовные песнопения и стихотворения, посвященные пришествию в мир Сына Божия.

После окончания программы более сорока детей – участников праздника и гостей получили рождественские подарки: сладости, игрушки и школьные принадлежности.

В заключение хотелось бы повторить слова ведущих концерта, прозвучавшие в конце программы: «Мы надеемся, что все дети, пришедшие сегодня на праздник, будут в будущем регулярно посещать наш храм и воскресную школу».

Выступление Климента Бурова

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»

ХІХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

11/25 января 2011 года в рамках XIX Международных Рождественских образовательных чтений в одной из палат Зала церковных соборов храма Христа Спасителя прошла конференция «Старый обряд в жизни Русской Православной Церкви: прошлое и настоящее».

В первый день работы секции со следующими докладами выступили:

1. Протоиерей Георгий Крылов, кандидат богословия, настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в Строгино города Москвы: «Как Агиасма стала “скачущей”».

Епископ Южно-Американский Иоанн

Священник Иоанн Миролюбов

Ее работу возглавил куратор секции – иерей Иоанн Миролюбов, секретарь Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством при Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата. Гостем конференции был епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзинь), назначенный также Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей управляющим старообрядными приходами РПЦЗ.

2. Игумен Кирилл (Сахаров), настоятель храма святителя Николы на Берсеневке, кандидат богословия: «Опыт совершения таинства Крещения по старому обряду».

3. Священник Евгений Саранча, клирик единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода Московской епархии: «Богослужение в единоверческих храмах. Традиции, обычаи, проблемы и современное состояние».

4. Священник Иоанн Миролюбов, клирик Покровского

храма в Рубцове города Москвы, руководитель Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции, доктор теологии: «Современное состояние и проблемы становления старообрядных приходов Русской Православной Церкви».

5. Дугин Александр Гельевич, профессор, руководитель Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук: «Эсхатологическая проблематика старообрядчества, единоверия и новообрядчества».

6. Диакон Максим Плякин, клирик храма в честь Рождества Христова (город Саратов), секретарь Саратовской епархиальной комиссии по канонизации подвижников благочестия: «Дониконские особенности внутреннего уклада Саровской пустыни».

7. Диакон Борис Зыкунов, клирик храма святителя Николая на Преображенском кладбище города Москвы: «Деятельность архимандрита Павла (Леднева) Прусского и Московский Никольский единоверческий монастырь».

На следующий день секция продолжила свою работу в Патриаршем центре древнерусской богослужбной традиции при Покровском храме в Рубцове. Здесь с докладами выступили: игумен Афанасий (Селичев), настоятель Михаило-Архангельского монастыря города Юрьева-Польского Владимирской области: «Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и его отношении к старообрядцам» и Михаил Анатольевич Тюренков, заместитель руководителя Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: «К вопросу об экклесиологических перспективах православного старообрядчества (Единоверия)».

Далее был проведен круглый стол по проблемам старообрядных приходов Русской Православной Церкви. В мероприятии приняли участие около двадцати священнослужителей и большое число мирян, представлявших почти все крупные приходы, где богослужения совершаются по древнему чину.

Присутствовавшие с удовлетворением отметили, что в последние годы растет интерес православных верующих к древнерусской богослужбной традиции, в составе Русской Православной Церкви появляются новые приходы старого обряда, что способствует уращиванию ран церковного раскола, происшедшего в XVII столетии. Вместе с тем участниками круглого стола была высказана озабоченность участвовавшими случаями проявления нетерпимости к носителям древнерусской обрядности в лоне Русской Православной Церкви. Особенно огорчительно, что ревнители «чистоты православия» при этом пытаются ссылаться на авторитет таких глубоко почитаемых и в единоверческой среде святителей, как Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Привлечение светлых имен в оправдание собственного невежества, а подчас и агрессии, разжигание внутрицерковной розни недопустимы. Почитаемые всеми святители были канонизированы за подвижническую жизнь, а не за свои исторические познания, которые в то время не могли соответствовать более позднему уровню развития церковно-исторической науки.

Представители старообрядных приходов обсудили совместные планы издательской деятельности, совершения богослужений у общецерковных святынь, единодушно было поддержано предложение создать

Диакон Борис Зыкунов

молодежный единоверческий клуб и постоянно действующий научный семинар при Пат-

риаршем центре древнерусской богослужбной традиции.

Использованы материалы сайта oldrps.ru Патриаршего центра древнерусской богослужбной традиции при московском Покровском храме в Рубцово.

РУКОПОЛОЖЕНИЕ НОВОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО СВЯЩЕННИКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

10 декабря 2010 года в Санкт-Петербургской епархии было совершено рукоположение нового единоверческого священнослужителя. По благословию Высокопреосвященного Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, Преосвященный Маркел, епископ Петергофский, викарий Санкт-Петербургской епархии в храме преподобного Серафима на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга, совершил поставление в диаконский сан председателя общины единоверческого храма Тихвинской иконы

Божией Матери на Анинском погосте (село Павлово-на-Неве) Сергия Зиновьевича Чиж.

26 декабря 2010 года епископ Маркел в Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре Санкт-Петербургской епархии хиротонисал священнодиакона Сергия в иерейский сан (это было первое рукоположение в обители после ее возрождения). После рукоположения новый единоверческий священник сказал: «Меня всегда тяготил раскол Церкви. И я пришел к выводу, что православное единоверие — это царский путь, прове-

ренный временем. Единоверие призвано примирить старо- и новообрядцев».

Единоверческая община прихода Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы по-

селка Павлово-на-Неве была основана Сергием Зиновьевичем Чижом в 1991 году. Под его руководством был построен деревянный храм, службы в котором совершались по древнему чину различными клириками Санкт-Петербургской епархии, в частности, настоятелем Санкт-Петербургского Свято-Никольского единоверческого прихода священником

Епископ Выборгский Маркел (справа)
и священник Сергей Чиж

Петром Чубаровым.

Рукоположение отца Сергия позволило Свято-Тихвинской единоверческой общине обрести возможность жить полноценной литургической жизнью. В январе-феврале 2011 года он прошел богослужбную практику в московском Патриаршем центре древнерусской богослужбной традиции при Покровском храме в Рубцово и храме Архангела Михаила в Михайловской Слободе и возвратившись в родной приход с усердием занимается окормлением местной паствы.

АРХИЕРЕЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В МИХАЙЛОВСКОЙ СЛОБОДЕ

17/30 января 2011 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в единоверческом храме Архангела Михаила совершил архиерейское богослужение Преосвященнейший Иоанн (Берзинь), епископ Каракасский и Южно-Американский.

Нет необходимости представлять Владыку Иоанна прихожанам Михаило-Архангельского храма и читателям наших изда-

В день праздника епископу Иоанну сослужили священнослужители Михаило-Архангельского единоверческого храма: настоятель священнойигумен Иринарх (Денисов), священноиереи Евгений Саранча и Валерий Булычев, священноинок Антоний (Аненко), а также гости — протоиерей Леонтий Колногоров, настоятель Никольского единоверческого храма города Нижний Тагил Екатеринбургской епархии, и насельник Троице-Сергиевой Лавры иеродиакон Аввакум (Василенко).

Святительское благословение

ний. Начиная с 2000 года он неоднократно посещал Михайловскую Слободу, а за последние два года совершил пять служб в сане епископа.

Накануне воскресной Божественной литургии и дня памяти преподобного Антония Великого, вечером в субботу 16/29 января архиерейским чином было совершено всенощное бдение.

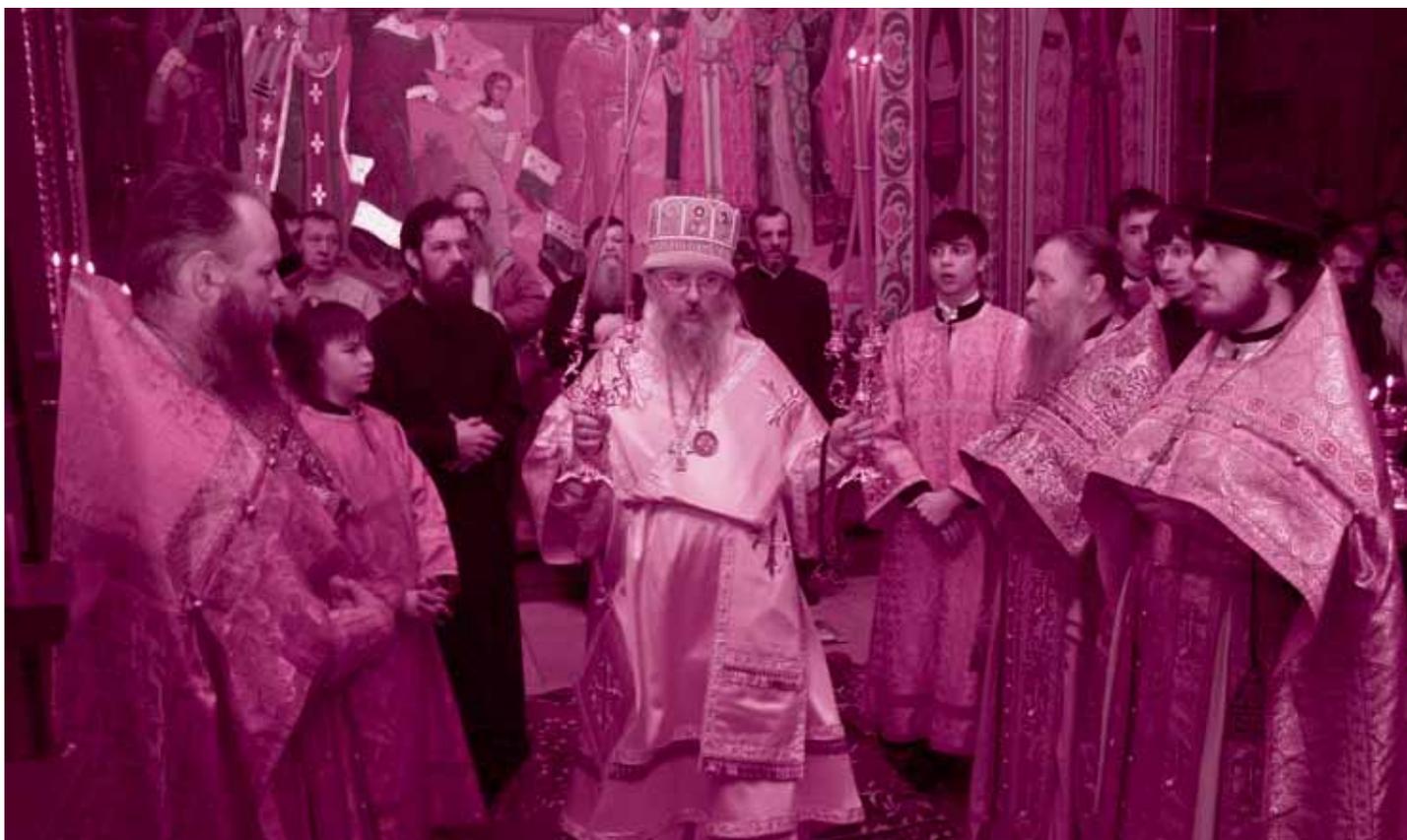
Богослужение прошло очень тепло и молитвенно, о чем сказал в своем слове после окончания литургии священноигумен Иринарх, поблагодаривший епископа Иоанна за участие в торжестве. В свою очередь Владыка Иоанн отметил, что для него посещение Михайловской Слободы подобно возвращению домой — так уютно он чувствует себя в стенах Михаило-Архангельского храма.

Во время последовавшей трапезы всех собравшихся порадовал дивным исполнением духовных стихов протоиерей Леонтий, исполнивший многие из них особым уральским распевом. После окончания трапезы единоверческие священнослужители и миряне еще долгое время братски общались, пользуясь редкой возможностью встретиться и служить вместе.

Кроме совершения архиерейского богослужения в Михайловской Слободе, епископ Иоанн, прибывший в Россию для участия в Архиерейском соборе Русской Православной Церкви и Международных Рождествен-

ских чтениях, также возглавил праздничную службу в день Сретения Господня (2/15 февраля 2011 года) в московском Покровском храме при Патриаршем центре древнерусской богослужебной традиции, что в Рубцове. Здесь Владыке Иоанну сослужили клирик Покровского храма, руководитель центра, священноиерей Иоанн Миролюбов, настоятель единоверческого храма Тихвинской иконы Божией Матери села Павлово-на-Неве Санкт-Петербургской епархии священноиерей Сергей Чиж и диакон единоверческого храма Михаила Архангела Игорь Краев.

Малый вход

В день праздника Сретения Господня Владыка Иоанн дал интервью для портала благотворительного Фонда святителя Григория Богослова, которое мы ниже предлагаем вниманию наших читателей.

– Ваше Преосвященство, что представляет сегодня епархия, которую Вы возглавляете?

– Моя епархия охватывает территорию всей Южной Америки. По территории – это одна из самых больших (если вообще не

самая большая) православная епархия в мире. Когда-то у Русской Зарубежной Церкви тут было несколько епархий: Каракасская и Венесуэльская, Сан-Паульская и Бразильская, Парагвайская и Уругвайская,

Сантьягская и Чилийская, Буэнос-Айресская и Аргентинская.

Но годы шли, архиереи умирали, число верующих сокращалось – одни умирали, другие переезжали, третьи ассимилировались и отрывались от своих православных корней. В итоге все эти церковные области были объединены в одну, с центром в Буэнос-Айресе.

Надо сказать, что и в таком укрупненном виде епархия оказалась по-своему «забытой». Мой предшественник на кафедре епископ Александр (Милеант) – он известен многим в России как талантливый миссионер – последние годы тяжело болел и жил за пределами своей епархии, в США. После его смерти в 2005 году приходы РПЦЗ в Южной Америке на некоторое время остались без архиерея, и это привело к печальным последствиям: значительная их часть уклонилась в раскол.

– *Насколько мне известно, в раскол ушли те, кто отказался принять восстановление канонического единства РПЦЗ и Московского Патриархата. Много ли их в Южной Америке? В какой юрисдикции они состоят? Кто возглавляет эти приходы? Осуществляются ли какие-то контакты с раскольниками?*

– Как я уже говорил, общины РПЦЗ по сути дела утратили связь с иерархией. Не имея адекватной информации о процессе восстановления единства нашей церкви, значительная часть приходов ушла в раскол Агафангела (Пашковского) – бывшего епископа РПЦЗ, отказавшегося принять акт о каноническом общении Зарубежной Церкви и Московского Патриархата. Впоследствии он был лишен сана за раскольническую деятельность, что не помешало ему провозгласить себя митрополитом и первоиерархом Зарубежной Церкви. И хотя по всему миру к его группировке примкнуло несколько приходов РПЦЗ, в Южной Америке он добился определенных успехов – в частности, к нему ушли все бразильские приходы, два крупных и ряд мелких в Аргентине, а также в других странах.

Непосредственным главой раскольников в Южной Америке

является находящийся под запретом протоиерей Георгий Петренко. Он овдовел, принял монашество с именем Григорий и сейчас носит титул епископа Сан-Паульского и Южно-Американского, руководя всеми «агафангеловскими» приходами в Южной Америке.

Никаких контактов с раскольниками у нас сейчас нет. Но это не наша вина – мы открыты к диалогу, готовы объяснить, почему акт о каноническом общении с Московским Патриархатом, подписанный в мае 2007 года, не является ни предательством, ни уклонением. Но раскольники ушли в «глухую оборону». Доходит до полного абсурда. Когда я собирался с пастырской поездкой в Уругвай, настоятель местной раскольнической общины велел своим прихожанам не подпускать меня ближе, чем на сто метров к храму.

Но, несмотря на все эти эксцессы, мы не должны относиться к людям, уклонившимся в раскол, как к врагам. Надо помнить, что больше всего они боятся остаться совсем без священника, а в канонических вопросах разбираются не очень хорошо...

– *Сколько приходов в Вашей юрисдикции?*

– Из действующих приходов, в которых меня поминают как правящего архиерея, три находятся в Аргентине, три – в Чили, один – в Парагвае, шесть церквей и пять приходов – в Венесуэле. Но при этом в Венесуэле служат всего два священника, в Чили – один, в Аргентине, кроме меня, служит всего один священник. Мой кафедральный собор и моя резиденция находятся в Буэнос-Айресе, с точки зрения географии – это самое удобное место для управления столь обширной епархией.

– *А почему вы носите титул Каракасский?*

– Я уже говорил, что раньше, в 50–80-е годы существовала отдельная епархия РПЦЗ с центром в Каракасе. Ее возглавлял владыка Серафим (Свежевский, 1899–1996). Когда в 1983 году он состарился и ушел на покой, епархию объединили с Сан-Паульской и Бразильской.

Мой предшественник владыка Александр (Милеант) имел титул Буэнос-Айресский и Южно-Американский. Решение о замещении вакантной кафедры принималось уже после восстановления общения с Московским Патриархатом, и уже тогда было решено выбрать такой титул, который бы не совпадал с титулом архиерея Московского Патриархата. Строго говоря, митрополит Платон, возглавляющий приходы московского Патриархата в Южной Америке, именуется не Буэнос-Айресским, а Аргентинским, но все равно это одна страна.

Кроме того, сегодня есть еще два православных архиерея, в титуле которых упоминается аргентинская столица: это главы епархий Константинопольской и Антиохийской Церквей.

Был еще один мотив. Может быть, не все согласятся, но лично мне, и не только мне кажется, что титул Буэнос-Айресский чисто фонетически плохо вписывается в ткань церковнославянского богослужения.

А вообще, с Венесуэлой меня связывает как минимум два знаменательных совпадения. Во-первых, владыка Серафим (Свежевский) был хиротонисан во епископа Каракасского в тот самый день, когда я родился на свет Божий 16 марта 1957 года. Я не склонен искать в этом какое-то мистическое значение, но все-таки это совпадение красивое. А, во-вторых, из шести церквей, существующих сегодня в Венесуэле, пять построил мой земляк – протопресвитер

Иоанн Бауманис (он скончался на Рождество 1984/85 года).

– Каков национальный состав Вашей паствы? Ведется ли миссия среди тех, чьи предки исторически не принадлежали к православию?

– В большинстве своем это потомки русских эмигрантов. Исключение составляет Чили, где много верующих, обратившихся в православие из других конфессий.

В этом огромная личная заслуга отца Алексия Аэдо, чилийца, принявшего православие.

В некоторых местах среди наших прихожан есть сербы и православные арабы.

Что касается языка богослужения, то везде, кроме Чили, где служба совершается по-испански, это церковнославянский. Лично я считаю, что переход на испанский не только возможен, но и нужен. Ведь многие из потомков русских эмигрантов уже забыли язык своих предков. Но, к сожалению, сам я еще недостаточно овладел этим языком, чтобы принять активное участие в этом деле.

А в целом, что касается миссии, то с сожалением должен признать, что кроме Чили она практически нигде не ведется. И эта проблема – общая для русской эмиграции. Русские общины слишком замкнуты в себе, они не понимают и не принимают чужих.

– Какие у Вас отношения с другими православными архиереями Южной Америки?

– Из представителей других поместных церквей особенно

Встреча у Святых врат

добрые отношения у меня сложились с двумя митрополитами Антиохийского Патриархата – Аргентинским Силуаном (Муси) и Бразильским Дамаскиным (Мансуром).

Конечно, очень теплые отношения и с архиереем Московского Патриархата – митрополитом Аргентинским и Южно-Американским Платоном (Удовенко). Но, к сожалению, сослужить получается редко. Ведь у владыки Платона в Буэнос-Айресе три прихода, в которых кроме него лишь еще один священнослужитель. И когда все-таки мы служим вместе – или в моем, или в его соборе, – это может показаться со стороны необычным: службу совершают два архиерея, и больше никого: ни священников, ни диаконов...

– Как у Вас складываются отношения с христианами других конфессий, в частности с католиками?

– Эти отношения можно назвать добрососедскими. Я познакомился с католическим архиепископом Буэнос-Айреса кардиналом Хорхе Марио Бергольо. Это очень смиренный, добрый человек. (Кстати, во время последнего конклава он был одним из реальных кандидатов на папский престол). Когда у нас начались тяжбы с раскольниками, кардинал Бергольо по собственной инициативе написал в правительственные органы письмо в нашу поддержку.

– А в чем была проблема? И как в целом складываются отношения со светскими властями?

– Поскольку я много лет жил в США, я могу сравнить отношение к православию в этой стране и в Южной Америке. И это сравнение будет не в пользу Севера. Дело в том, что в правовой системе США полностью отсутствует такое понятие, как церковь и ее право. И поэтому любые раскольники равны перед законом с представителями канонической церкви. В Южной Америке дела обстоят совершенно иначе. Например, по законам Аргентины единственной церковью является римско-католическая (остальные религиозные общины имеют статус конгрегаций или ассоциаций). Но при этом каноны и установления каждой такой конг-

регации властями учитываются и уважаются. И когда в 2007 году мы восстановили общение с Московским Патриархатом, чиновники отдела по делам культов при аргентинском министерстве юстиции, изучив соответствующие документы, признали законной епархией нас, Русскую Зарубежную Церковь, а не раскольников.

– Строятся ли в Вашей епархии новые храмы?

– Да, с Божией помощью мы строим новые церкви. Одна из них должна появиться в Уругвае. В столице этой страны Монтевидео раньше был храм РПЦЗ, но сейчас он в руках раскольников. А новый храм будет построен в курортном городе Пунта-дель-Эсте, на земельном участке, принадлежащем одному благочестивому прихожанину. Пунта-дель-Эсте – курортное место, куда летом съезжаются многие аргентинцы и уругвайцы. Скорее всего, храм, который решено освятить в честь праздника Святого Богоявления, будет деревянный, в русском стиле. Автор проекта – архитектор Андрей Оболенский. По всей видимости, храм привезут из России «по бревнышку» и будут собирать на месте. В возведении этой церкви нам помогает Фонд святителя Григория Богослова.

Еще мы строим храм во имя преподобного Силуана Афонского в чилийском Консепсьоне – именно там был эпицентр недавнего разрушительного землетрясения. В октябре я освятил закладку первого камня. Один благочестивый православный араб пожертвовал на строительство десять тысяч кирпичей. Я не специалист по строительным вопросам, но, говорят, этого достаточно для возведения небольшого храма. Так что, можно сказать, мы созидаем епархию по кирпичику.

Возможно, скоро появится еще один храм в Каракасе. Во всяком случае, президент Венесуэлы Уго Чавес обещал это Святейшему Патриарху Кириллу.

– Владыка, после кончины епископа Иррийского Даниила (Александрова) Вы возглавили единоверческие приходы в составе РПЦЗ. Откуда у

Вас интерес и любовь к старому обряду? Есть ли последователи старого обряда в Вашей епархии?

– Любовь к старому обряду для меня естественна, органична. Я вообще считаю, что ревнителем Богослужебного устава (а я люблю устав) – это значит сочувствовать старому обряду. Когда к Русской Зарубежной Церкви присоединилась поморская община в американском городе Ири, я познакомился с этими ревнителями старого обряда.

И мои корни сыграли не последнюю роль. Ведь Латвия была одним из центров старообрядчества. До революции старообрядцы составляли больше половины русского населения губерний, вошедших затем в состав Латвийской Республики. И когда я смог ездить на родину предков, я общался не только с православными, но и старообрядцами-поморцами. Интересно, что отца Иоанна Миролюбова я знаю с 1992 года. А сегодня, в праздник Сретения Господня, я возглавил литургию в храме Покрова в Рубцове, где служит отец Иоанн, где он возрождает древнерусскую богослужебную практику.

В Южной Америке, в частности, в Уругвае, довольно много старообрядцев часовенного согласия. Их можно назвать чем-то средним между поповцами и беспоповцами. То есть на практике они не имеют священства, но не утверждают, что благодать священства вовсе отнята из мира. Они занимают довольно открытую позицию по

отношению к новообрядцам, и я собираюсь связаться с ними.

– Как Вам кажется, повлияло ли Ваше происхождение на Ваши взгляды, на отношение к окружающим?

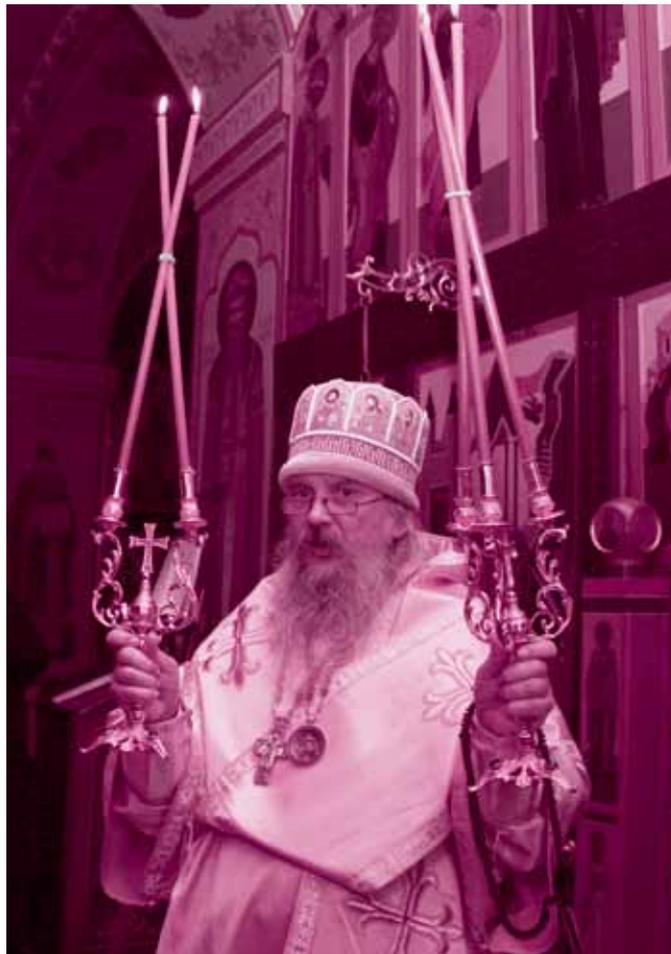
– Конечно, повлияло. Смотрите сами: я родился в Австралии, при этом мои родители – православные латыши. Ближе всего им была Русская Церковь, в которой они выросли, а в те годы единственными русскими приходами в Австралии были те,

что относились к РПЦЗ. Все это исключало узконационалистический подход. Наша семья жила в горах, вдалеке от православного храма, и священник приезжал в селение один раз в месяц. Иногда это был русский батюшка, иногда серб. Если бы мои родители ждали, когда появится латышский храм, я бы умер некрещеным, а если бы русские отказали нерусским, Южная Америка так и осталась бы без архиерея (смеется).

Да и в самой Латвии, насколько знаю я, православные, составляющие нема-

лую часть населения, но все же меньшинство, в целом всегда имели более широкий взгляд на представителей иных исповеданий. Например, живя бок о бок с католиками, мы всегда знали, что у них не растут рога. И в то же самое время, будучи в меньшинстве, мы особенно ценили нашу принадлежность к Православной Церкви.

Беседу записал Дмитрий Власов

После Херувимской песни

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО В МИХАЙЛОВСКОЙ СЛОБОДЕ

МНОГОДНЕВНОЕ поприще Великого поста, во время которого православные христиане очистили свои души в Таинстве Покаяния и Причащения Святых и Животворящих Таин, служило подготовкой к главному празднику года – Пасхе Христовой. В 2011 году сей «нареченный и святой» день пришелся на 11/24 апреля.

ное творение инок Марка, повествующее о Крестной жертве Спасителя, – был прочитан настоятелем Михаило-Архангельского храма священноигуменом Иринархом. На девятой песне канона, при пении ирмоса «Не рыдай мене, Мати» Плащаница – древняя икона, изображающая положение Пречистого Тела Спасителя во гроб Иосифом Аримафейским,

Пасхальная ночь

В канун Пасхальной заутрени богослужения в храме Архангела Михаила начались в 16:30 павечерницей Великой Субботы. После ее окончания последовало чтение Деяний святых апостолов, продлившееся почти до 22 часов, когда началась полунощница с канонем на Боготелесное погребение Господа нашего Иисуса Христа. Этот канон – умиритель-

после каждения, была унесена священнослужителями во святой алтарь. Закончилась полунощница – все было готово к Крестному ходу.

В 23:45 священнослужители вышли из алтаря, начав пение стихеры «Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поют на небеси...», клирос подхватил «... и нас на земли

сподоби чистыми сердцы Тебе славить». Три раза богомольцы обошли храм в ознаменование трех дней, в течение которых Тело Распятого Господа находилось во гробе. Затем процессия Крестного хода вышла на площадь перед Святыми вратами и здесь в полночь священнослужители запели тропарь Пасхи, возвещающий о победе Спасителя над смертью. Началась праздничная заутреня. Глубоко переживая всерадостное собы-

где отец настоятель изысканной погласицей прочитал знаменитое слово святителя Иоанна Златоуста на Светлое Воскресение Христово.

За отпуском первого часа без расхода служили третий, шестой и девятый часы и Божественную Литургию, украшенную праздничными антифонами, многократным пением тропаря «Христос воскрес из мертвых...», демественным исполнением Херувимской

Священноигумен Иринарх читает Слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста

тие, вдохновенно пели клироса возглавляемые чтецом Сергием Степановым и Галиной Леонидовной Верялиной. Сотни богомольцев, собравшихся в эту «всепразднственную и светозарную» ночь, озарили площадь сиянием свечей, неугасавших в их руках благодаря тихой, безветренной погоде. Во время пения стихер Пасхи верующие вернулись в храм,

песни, а также попеременным чтением священником и диаконом первого зачала Евангелия от Иоанна, каждая фраза которого сопровождалась троекратным ударом в колокола на клиросе, паперти и на колокольне.

Пасхальное торжество завершилось в предрассветные часы освящением брашен богомольцев.

А в 8 часов утра в Никольском приделе храма Архангела Михаила священноиерей Валерий Булычев и клирос под руководством Александра Николаевича Ануфриева

совершили вторую Божественную литургию, которую посетили те, кто не имел возможности участвовать в ночных Пасхальных торжествах.

КРЕСТНЫЙ ХОД, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЕРОСАЛИМСКОЙ ИКОНЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

СВЯТО почитая традицию, установленную благочестивыми предками – духовенством и прихожанами Михаило-Архангельского единоверческого храма более 140 лет назад, нынешнее поколение верующих из года в года совершает Крестный ход,

гам всем притекающим с верой к Пречестной Ее иконе.

В 2011 году Крестный ход состоялся 25 апреля/ 8 мая. После совершения Божественной литургии и подкрепления телесных сил за трапезой, к полудню все богомольцы

На пути к Петрову ключу

посвященный Иеросалимской иконе Божией Матери во второе воскресение по Пасхе – Неделю Святых Жен-Мироносиц. Пресвятая Богородица, даровавшая избавление от смертоносной язвы в далеком 1864 году, и ныне подает исцеление душевным и телесным недугам

собрались в храме, в центре которого была установлена на специальных носилках и благолепно украшена Иеросалимская икона Божией Матери. Рядом с образом Пречистой стояли хоругвеносцы с запрестольными иконами и фонарем-свещей, а также те, кому

предстояло на своих плечах нести святую икону первую часть пути.

В 12 часов дня начался молебен Божией Матери, который возглавил настоятель Михаило-Архангельского храма священноигумен Иринарх. После прочтения пятидесятого псалма с пением первого ирмоса канона Пресвятой Богородицы Одигитрии (Путеводительницы) под праздничный звон колоколов духовенство и паства отправились в путь. Многолюдная процессия чинно следовала за хоругвями и иконой Пресвятой Богородицы. Впереди – диакон Игорь, читавший праздничный канон, далее священники с Евангелием, крестом, кадиллом, Пасхальным трехсвечником,

по которой стекает бурный поток кристально чистой воды, установили водосвятную чашу с крестом, а священник Евгений и священноинок Антоний обильно окропили всех верующих. Начав после шестой песни канона пение Акафиста – Похвалы Пресвятой Богородицы, богомольцы отправились в дальнейший путь.

В селе у многих домов жители ожидали прибытия святой иконы, чтобы по обычаю пройти под ней. Вдоль улицы было установлено много столов с сосудами, наполненными родниковой водой, и священнослужители окропляли их и их владельцев святой водой. Немало сельчан присоединилось к Крестному ходу.

Встреча Крестного хода в Кулаково

затем певчие и все богомольцы. Ирмосы канона пелись клиросом по два раза, а запевы и катавасия звучали в исполнении священнослужителей.

На спуске в Михайловскую Слободу – первая остановка у Петрова ключа. В деревянную колоду,

Следующая остановка – на источнике у пруда, здесь священноигумен Иринарх и священноиерей Валерий возливают на главы прихожан по ковшику студеной воды, освежая их силы.

Новый отрезок пути по Михайловской Слободу и богомольцы у

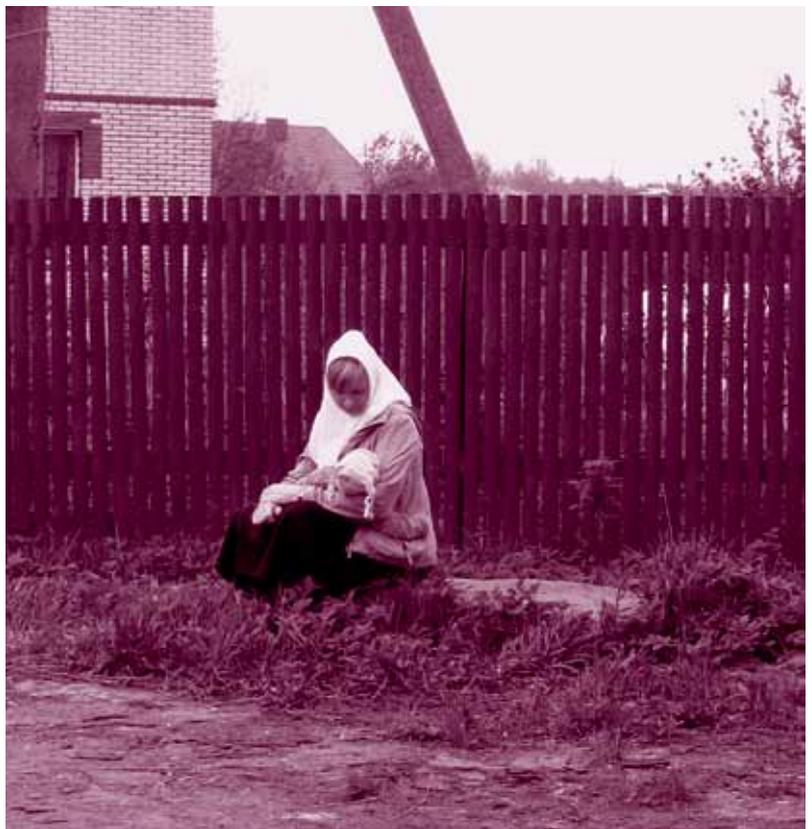
Суздалева источника. Закончилось пение Акафиста Пресвятой Богородицы и после возгласения прокимна отец настоятель прочитал Евангелие. При пении водосвятных стихер священнослужители ведрами родниковой воды поливают богомольцев. И снова в путь! Пройдена Михайловская Слобода, молебен и первая часть Крестного хода закончились в Кулаково у дома радушных хозяев Николы Петровича и Лидии Алексеевны Булычевых, которые вместе с домочадцами приготовили трапезу для всех верующих.

было произойти второе водосвятие, ирмосы праздничного канона пели по два раза, а тропари на десять. В деревне Чулково, на центральной площади, внутри мемориальной часовни-памятника было прочитано Евангелие от Луки.

Самая сложная часть пути — продолжительный подъем на Боровской курган — была пройдена с пением седьмой, восьмой и девятой песен канона, которое, воодушевляя верующих, сделало трудности восхождения незаметным.

Дионисий Евгеньевич Каспирович
с дочерью Иулианией

Мария Александровна Ростовская
с дочерью Ариадной

Деревенский дом не рассчитан на то, чтобы одновременно принять более ста богомольцев, и пока трапезничала первая часть участников Крестного хода, другая часть во главе с отцом настоятелем не прекращала молитвенного пения перед иконой Пресвятой Богородицы.

После окончания трапезы настало время – начало нового молебна, на сейразпразднику Пасхи Христовой. Учитывая дальность расстояния до Боровского кургана, где должно

На самом кургане многие деревья сильно пострадали после прошлогоднего ледяного дождя, и участники Крестного хода местами с трудом пробирались через упавшие стволы и свисавшие сломанные ветви. На вершине кургана открылась замечательная панорама всех окрестных мест: весенняя яркая зелень и плавно текущая Москва-река. Последний спуск и водосвятие у источника. Здесь в тени старых деревьев богомольцы могли утолить жажду и немного отдохнуть перед возвращением.

Обратный путь пролегал по восточному берегу Москвы-реки и через деревню Чулково, где участников Крестного хода ожидали, вышедшие из своих домов прихожане. К вечеру под звуки праздничного перезвона верующие приблизились к Святым вратам

родного храма. Здесь священноигумен Иринарх прочитал молитву к Пресвятой Богородице, чьей иконе были посвящены торжества сего дня. Крестный ход завершился, но память о нем надолго останется в благодарных сердцах его участников.

Сергий Григорьевич Жагин

МОЛЕБЕН В СМОЛЕНСКОМ СОБОРЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

28 МАЯ / 10 ИЮНЯ 2011 ГОДА по благословению Высокопреосвященнейшего Ювеналия, митрополита Крутицкого и Коломенского духовенство и прихожане Михаило-Архангельского единоверческого храма совершили молебное пение перед Смоленской иконой Божией Матери в Новодевичьем монастыре.

Это богослужение стало традиционным для михайлослободских единоверцев и совершалось в стенах древней обители в третий раз. Однако если в прошлые два года служба проходила в Успенском трапезном храме монастыря, то теперь после передачи всего Новодевичьего монастыря Русской Право-

славной Церкви Владыка Ювеналий даровал единоверцам возможность провести богослужение в стенах главного и древнейшего собора обители – Смоленского.

Этот монументальный пятиглавый храм был построен в 1520-е годы во время великого княжения Василия III в память об освобождении Смоленска и возвращении города в состав русских земель. Считается, что автором проекта этого собора был знаменитый архитектор Алевиз Новый, а образцом постройки стал Успенский собор Кремля.

Собор поставлен на высокий белокаменный подклет и сложен из большемерного кирпича; фасады его практически лишены

украшений. Только трехчастная алтарная апсида украшена тонким аркатурным пояском. Своды опираются на крестчатые столпы. Храм окружен галереями с арочными проемами и маленькими приделами с южной и северной сторон. Ступени высоких крылец ведут ко входу в собор. Собор очень велик. Высота его от уровня пола (не считая подклета) до замкового камня центрального подкупольного барабана – 33,7 м, а от уровня пола подклета до креста – 42,5 м. Собор был

1683–1686 годах мастерами Оружейной палаты.

Смоленский собор лишь недавно был передан Русской Православной Церкви и до сих пор в нем еще нет регулярных богослужений. Не видно привычных подсвечников, не устроены места для клиросов. И тем более значимым было благословение Владыки Ювеналия, данное единоверцам на совершение молебна в главном соборе Новодевичьего монастыря по старому чину.

После окончания молебна

расписан в XVI столетии, позже росписи обновлялись. В XX веке, когда собор принадлежал Государственному историческому музею, его стенам был возвращен первоначальный вид. Росписи расположены в несколько ярусов на стенах и столпах и посвящены главным образом теме святых воинов и русских князей, чудесам Смоленской Иконы Богородицы. Пятиярусный иконостас собора был сделан по заказу царевны Софьи в

Богослужение прошло чинно и благолепно. Знаменный распев звучал совершенно органично в древнем храме. Духовенство, певцы и богомольцы едиными устами и единым сердцем возносили хвалу Пресвятой Богородице в пении канона Одигитрии и Акафиста. После прочтения Евангелия все верующие имели возможность поклониться и облобызать Смоленскую икону Божией Матери, находящуюся слева от Царских врат иконостаса.

УЧЕНЫЕ О ЦЕРКВИ

Н.И. САЗОНОВА. ИСПРАВЛЕНИЕ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ ПРИ ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ (на материалах исправления Требника и Часослова)

Предлагаем вниманию наших читателей доклад Натальи Ивановны Сазоновой, доктора философских наук, кандидата исторических наук, профессора Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), представленный на секции «Старый обряд: прошлое и настоящее» Международных Рождественских образовательных чтений в 2009 году.

Наталья Ивановна в 1992 году закончила исторический факультет Томского государственного университета. В 1999 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Раскол Русской Православной Церкви в XVII веке и исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (на материалах Часослова)». После защиты диссертации работала в литературном отделе Томского областного краеведческого музея, с 2002 года по настоящее время – профессор кафедры отечественной истории и культурологии ТГПУ. В университете читает курсы: «Семиотика и лингвистика», «История культуры». В 2009 году защитила докторскую диссертацию по философским наукам на тему «Изменение богослужебного текста как направление трансформации религиозного сознания (на материале литургической реформы патриарха Никона)».

ПО МНЕНИЮ большинства исследователей, XVII век является во многом переломным в развитии России, что проявилось, прежде всего, в области культуры, где происходит переход от Средневековья к Новому времени. А.М. Панченко пишет, что в XVII веке «Русь переживала тяжелейший кризис – династический, государственный, социальный. Рушились средневековые авторитеты, и прежде всего авторитет власти»,

происходил «очевидный для всех закат Древней Руси». Важнейшим этапом, ознаменовавшим начало переходного периода, Л.А. Черная считает Смутное время начала XVII века: «Исторический катаклизм заставил русских людей пересмотреть старые критерии восприятия и оценки действительности вообще, параллельно со сверхчувственным восприятием обратиться и к чувственному опыту, проверенному доводами разума».

Д.С. Лихачев подробно анализирует эти новые явления на материале русской литературы XVII века: происходит постепенное нарастание интереса к описанию событий, происходящих в «мире сем» (при сохранении провиденциализма), растет интерес к личности человека.

Одновременно русская культура с периода Смуты становится все более открытой для внешнего воздействия, в частности, со стороны культуры Западной Европы. На нарастающую открытость русской культуры, в частности, указывает А. Олеарий. По его свидетельству, только в Москве жили и работали до тысячи иностранцев. При этом он отмечает, что «москвитяне терпят всякого рода вероисповедания и охотно ведут дела с разными народностями (лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами, турками), но папистов и иудеев не любят». Отмеченные современником процессы были объективно неизбежны – страна нуждалась в технических достижениях западной цивилизации, в западных специалистах. Неизбежны были и контакты с уже испытывавшей западное влияние православной Украиной (а в 1654 году состоялось присоединение Украины к Русскому государству).

Кризисное состояние формировалось как внешними факторами (усиление контактов с Европой как следствие целого ряда политических событий Смутного времени и последующего периода), так и внутренними, прежде всего начавшимся с XVI века кризисом средневекового сознания и мировоззрения. Именно проявлением кризиса, как представляется, были фиксируемые в источниках и работах исследователей противоречивые тенденции: рост религиозности (канонизация новых святых, высокий авторитет Церкви) при одновременной потере интереса к церковной службе (внешне выраженной, в частности, в распространении многогласия), росте влияния светской культуры, в особенности характерном для общественной элиты.

Проявлением культурного кризиса является и внутрицерковный кризис, приведший к реформе патриарха Никона. Так, проблема

ответа Церкви на западное влияние является актуальной уже в первой половине XVII века и приобретает еще большую значимость в связи с контактами с православной Украиной, где контакт Православия и западной культурной традиции был еще более прямым и не всегда безболезненным (вплоть до запрета Православной Церкви). Середина XVII века – время поиска Церковью ответов на «вызовы времени», выразившиеся, прежде всего, в росте влияния светской культуры и потере верующих интереса к церковной службе вплоть до подмены духовной работы «механическим» соблюдением ритуала.

Ответом на кризисную ситуацию стало церковное реформирование. Необходимость реформирования как ответа на падение церковного авторитета и на усиление влияния светской культуры осознавалась как низшим духовенством, так и церковной иерархией. Очевидно было, что реформа должна была, прежде всего, коснуться отношений иерархии с паствой, отношений внутри церковной иерархии, преодоления недостатков духовенства, не способствовавших росту церковного авторитета, – небрежного отношения к своим обязанностям, безграмотности, пьянства. Кроме того, необходимо было унифицировать обрядность и сам текст богослужебных книг. Отдельной и очень важной проблемой было упразднение многогласия.

В середине XVII века направления реформирования в большой мере определялись группой близких к царю и патриарху светских и духовных лиц, получившей название «кружка ревнителей благочестия». Представления «ревнителей» о церковном реформировании сводились в основном к исправлению недостатков духовенства и прихожан, к необходимости ревностного и точного исполнения заповедей христианства, а также развитию христианского просвещения. Именно это направление реформирования определенное время поддерживалось светской и церковной властью. Иной стала ситуация после того, как патриархом стал Никон.

Первый шаг реформаторов – изменение перстосложения в крестном знамении – сразу обозначил

иное, нежели до этого, направление реформы: переориентацию на богослужебные изменения.

Стоит отметить ведущее значение богослужебного текста (как вербального, так и текста в широком семиотическом понимании) в православном религиозном сознании. Текст богослужения, по терминологии И.А. Ильина, принадлежит к области религиозной гетерономии. «Гетерономия в религии состоит в отказе от самоличного принятия (или признания) того основания, в силу которого веруемое веруется и исповедуется, и, следовательно, в перенесении этого главного и решающего момента религиозного опыта на другого человека (или на других людей), в предоставлении ему (или им) вместо меня, за меня и для меня решить, во что именно я верую и во что я не верую», – пишет И.А. Ильин. Элементы религиозной гетерономии особенно сильны на начальных этапах «вхождения» человека в сферу данной религии, когда человек в силу ограниченности личного опыта сознательно стремится опереться на авторитет и личный опыт других людей (например, святых), принимаемый на веру. Именно к этой сфере принадлежит и богослужебный текст как часть общецерковного опыта, позволяющий сформировать у верующего определенные религиозные представления. Вот почему любое изменение текста потенциально может вести к изменениям в задаваемых текстом религиозных представлениях.

Применительно к никоновской книжной «справе», следует отметить масштабность реформы. В короткие сроки подверглись изменениям все без исключения богослужебные книги. Уже это обуславливает постановку вопроса о возможных изменениях в религиозном сознании, которое формировал текст. Это также позволяет, по крайней мере, гипотетически говорить о том, что патриарх Никон избрал радикальный способ преодоления отмеченного выше церковного и культурного кризиса путем прямого воздействия непосредственно на формируемое текстом религиозное сознание. Полный и

окончательный ответ на вопрос о наличии или отсутствии в богослужебных текстах изменений, касающихся религиозного сознания, может дать, конечно, полное религиозно-ведческое исследование изменений во всех богослужебных книгах. С учетом большого объема предстоящей здесь исследователю работы следует признать, что при нынешнем состоянии изученности никоновской sprawy наука дать такой ответ на сегодняшний день не готова. Однако предварительные данные могут быть получены и на основе анализа одной или нескольких богослужебных книг. В данной статье мы остановимся на анализе изменений в двух богослужебных книгах – Требнике и Часослове.

Требник является одной из важнейших богослужебных книг. Он содержит в себе последования совершения основных таинств церкви (кроме таинств Евхаристии и Священства), основные чины и молитвы, совершаемые священником по просьбе прихожан («по требованию», отсюда и название – Требник, или Потребник). Таким образом, среди богослужебных книг Требник имеет большое значение, будучи тесно связан с повседневной жизнью верующих. Весь суточный круг богослужения, кроме литургии, содержится в Часослове, что также объясняет его широкое распространение. Учитывая этот факт, можно предполагать, что изменения в текстах Требника и Часослова могли восприниматься массой верующих достаточно остро, что и делает эти источники интересным объектом исследования. В то же время сказанное не отменяет необходимости выявления и изучения изменений в других богослужебных книгах – Служебнике, Октае, Прологе и других, поскольку только таким образом может быть восстановлена полная текстовая картина церковной реформы.

По результатам анализа «справы» Требника и Часослова, прежде всего, следует сказать, что ответ на поставленный вопрос о том, есть ли в тексте изменения, затрагивающие структуры религиозного сознания, по-видимому, является утвердительным.

Главным новшеством никоновской реформы представляется введение в богослужебный текст нового представления о времени. Одной из характерных черт дониконовских богослужебных текстов является повсеместное употребление так называемых аористных форм глаголов. В церковнославянском языке, в отличие от современного, несколько форм прошедшего времени. Все они описывают прошедшие события, однако имеют ряд смысловых нюансов. Так, при рассказе о событиях, только что совершившихся, употребляется аорист (например, именно эта форма употребляется в пасхальном песнопении, слова «Христос воскрес» означают, что Христос «воскрес сейчас»). При рассказе о событии, прошедшем и давно завершено, употребляется форма перфекта со вспомогательным глаголом, например, «был еси». Как видим, если поставить в текст пасхального «Христос воскрес» перфектную форму «воскресл еси», замена исказит смысл самого пасхального праздника. Возможно, поэтому никоновские реформаторы пасхальный тропарь оставили без изменений. Но в целом замена аористных форм на перфектные только в тексте, например, Часослова, повторяется более пятидесяти раз, еще больше таких замен и в тексте Требника, и в других богослужебных книгах. Не говорим сейчас о языковых соображениях, которыми руководствовались реформаторы (например, Б.А. Успенский отмечает, что аористная форма давала омонимию 2-го и 3-го лица: «бысть» означало как «ты был», так и «он был»). Речь идет о различном смысловом значении языковых форм. Особенно с учетом того, что почти всегда изменения касаются тех фрагментов текста, где речь идет о евангельских событиях.

Новая, никоновская редакция текста как бы приглашает верующего осмыслить значение евангельских событий – жизни Христа, Распятия, Воскресения. Дониконовский же текст предлагает лично пережить и прочувствовать. Бог в этом тексте рядом с человеком, его восприятие остро, предметно и очень лично.

В этом контексте легко понять яростный протест оппонентов патриарха Никона по поводу ставшего нарицательным «единого аза» из Символа Веры – замены дониконовского «рожденна, а не сотворенна» (речь идет о Христе) на «рожденна, не сотворенна». Противники реформы не уставали указывать на то, что противительный союз «а» введен был во время борьбы с арианством, говорившим о сотворенности Сына Божия. Они не понимали, что ересь арианства – часть истории первых веков христианства. Потому что для старообрядцев первые века христианства также не были историей, как не были ею и евангельские события, восприятие которых было строго конкретно и предметно.

В этой связи представляется чрезвычайно интересной эволюция в области уже не степени остроты восприятия Бога, а в области самих представлений о Божестве, которые относят обычно к области догматов. Одним из ярких проявлений «смены веры» противники реформы считали изменение формы сложения перстов в крестном знамении и изменение формы креста, изображаемого на просфорах с восьмиконечного (с верхней и нижней перекладинами) на четырехконечный.

Вопрос перстосложения был самым обсуждаемым в полемической литературе, так как, по мнению оппонентов реформы, затрагивал самые основы веры, а именно представления о тринитарном догмате. Как известно, до реформы принято было осенять себя двоеперстным крестным знаменем, символизовавшим единство Божественной и человеческой природы во Христе, в то время как три других соединенных перста символизировали святую Троицу. Реформой было введено троеперстие – три соединенных перста обозначали Троицу. По мнению старообрядцев, данное изменение привело к уничтожению роли Воплощения Христа. В связи с этим они обвинили своих оппонентов в ереси и в «искоренении имени Христова» «в сложении перст, и в молитве, и на жертве». Кроме того, по мнению старообрядцев, крестные страдания нельзя относить

ко всей Святой Троице, а только к человеческой природе Христа. Вот как пишет об этом диакон Федор, один из вождей раннего старообрядчества: «Не подобает отнюдь тремя персты креститься христианам правоверным, понеже бо Крест Христов, а не Троицын. Един бо на Кресте страда Сын Божий, но и то плотию, а не плотию и Божеством... Сего ради к Божеству Святыя Троицы не подобает крестныя страсти прилагать». Обвинения в «искоренении имени Христа» выдвигаются старообрядцами и по поводу введенного изображения четырехконечного креста на просфорах, в то время как «на страсти Христове» Крест был восьмиконечным, то есть имел верхнюю (с надписью «Исус, царь Иудейский») и нижнюю перекладины.

Резкие возражения противников реформы вызывает введение троекратного «аллилуйя» с добавлением «Слава Тебе, Боже» (изменение, внесенное в Служебник) и аналогичного изменения в произнесении «Господи, помилуй (трижды вместо дважды), Господи благослови». Старообрядцы единодушно считают, что в данном случае «никониане» исповедуют некое «четвертое лице» в Троице. Вот обоснование своей позиции протопопом Аввакумом: «Василий Великий пишет: аллилуйя – ангельская речь. Человечески рещи – Слава Тебе, Боже. Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третью – человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, Слава Тебе, Боже!.. Мерзко Богу четверичное воспевание!»

В приведенных аргументах старообрядческих полемистов, прежде всего, обращает на себя внимание конкретность восприятия Божества и всего, с Богом связанного. Так, чрезвычайно конкретно восприятие Христа в полемике о перстосложении: два перста, означающие единство Божества и Человечества во Христе в сочетании с жестом – возложением на себя креста, говорят о конкретно-историческом событии Распятия с акцентом лично Христа («крест Христов, а не Троицын»). Именно о событии Распятия напоминают полемисты, говоря об особом значении восьмиконечного креста, поскольку

именно эта форма креста связана с Распятием – верхняя короткая «доска» исторически содержала «надписание вины» Христа («Исус, Царь иудейский»), нижняя перекладина, к которой распятым прибивали ноги, также связана с конкретной казнью. Такое понимание вполне сопоставимо с преобладанием в дониконовском тексте аористных форм, создающих острое переживание описываемых, прежде всего, евангельских событий.

Одним из ключевых высказываний, проясняющих позицию реформаторов, является высказывание Иверского архимандрита Дионисия, возражавшего старообрядцам по поводу формы креста: «Крест именуется прямое древо и вопреки». Что же касается других перекладин, важных с точки зрения противников реформы, то их семиотическое значение не видится реформаторам столь большим, каким является значение креста вообще, символизирующего не только Распятие Христа, но столь же тесно связанного с событиями Ветхого Завета, спасением людей через жертву Бога. Таким же образом троеперстие как форма перстосложения, подчеркивает близость Бога к людям и связь с Крестной жертвой не одного Христа, но всей Святой Троицы. В частности, Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский, возражая противникам реформы, пишет, что двоеперстие является «хулою и укоризною православных христиан», «дабы христиане тако Имя Пресвятыя Троицы... вкупе со Крестом Христовым на себе не изображали». Напротив, сложение трех нижних перстов «во образ Святыя Троицы», по мнению митрополита Игнатия, приводит к тому, что имя Бога подвергается хуле, так как «не полагают их на себе, еже есть на главе, и на чреве, и на правом плече, и на левом: но точию рукою своею машут». Таким образом, для старообрядцев троеперстное сложение во имя Троицы представляет собой «возведение Троицы на Крест», тогда как реформаторы и их сторонники как раз подчеркивают участие всей Троицы в спасении людей. Понимание же перстосложения, выявляющееся из старообрядческой полемической литературы, предполагало,

прежде всего, сосредоточенность на конкретном событии Распятия Христа, без выхода на более высокий уровень понимания Распятия.

Сравним два текста – дониконовский и никоновский – обращения священника к кающемуся в одном из важнейших таинств – таинстве Покаяния. Вот характерный фрагмент этого обращения (занимающего до нескольких десятков страниц) из дониконовского Требника: «... И ты, чадо не устыдися лица человека, вси бо грешны есьмы, не потаи в себе ни единого греха, еже согрешил еси от юности до сего часа... Не устыдися лица моего, но вся ми исповеждь, вся бо Господь Бог весть... исповеждь без стыдения, *аз бо таков же человек и грешнее всех человек*» (выделено мною. – Н.С.). Характерно, что дониконовские Требники, помимо самой речи священника, помещают еще и специальные указания для священнослужителя, прямо предписывающие ему обращаться к исповеднику «с тихостию и смирением, Бога свидетелем поставляя, себя же грешна именуя».

Никоновский текст того же обращения священника существенно короче – менее страницы – но, что самое главное, имеет совершенно другую тональность: «Се, чадо Христос невидимо стоит, приемля исповедание Твое. Не усрамяся, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене, но не обвиняя рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се, и икона Его пред нами, аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред ним вся, елика речеши мне. Аще ли что скрыеши от мене, сугуб грех имаши...» Здесь, как видим, нет речи о личной греховности священника и его покаянии. Священник выступает не как «таков же человек», что и кающийся, а как носитель благодати священства, причем его личная греховность в данном случае значительно менее актуальна. Таким образом, понимание значения священника поднимается от понимания конкретного человека на уровень священства вообще. В рамках

такого понимания вполне логичным является и сокращение обращения, и изменение его тональности. При этом и из самого чина Исповеди удалено до десятка молитв и псалмов покаянного характера, что позволяет предположить подобные же изменения в понимании покаяния не только священника, но, возможно, и простого верующего.

Понять суть изменений может помочь, в частности, рассмотрение чина погребения мирян в том же Требнике. Чин погребения – один из самых эмоциональных в Требнике, он знаменует переход человека в иной мир и иную жизнь, именно поэтому в этом чине множество покаянных молитв от лица умершего, «не могущего глаголати» и его близких. Обращает на себя внимание то, что из чина погребения удалены реформой именно наиболее эмоциональные фрагменты (только покаянных стихер удалено реформой 27). Среди удаленных фрагментов немало тропарей и стихер, натуралистически описывающих смерть. Вот лишь один пример: «Преставленный во гробе лежа мертв развалився, всем вопиет: приидите ко мне вси земнии, и видите доброту телесную почерневшу...» Совсем другим песнопением заменены эти слова, и в никоновской редакции вместо них стоит: «Душами владычествуай и телесами, егоже в руже дыхание наше, оскорбляемых утешение, упокой во стране праведных, егоже преставил еси раба Твоего». И здесь речь уже не о смерти, а о будущей жизни. А в одной из самых печальных стихер, поемых непосредственно при погребении, слова «Приидите, возрим на гроб ясно, где доброты телесная, где юность...» заменены на «приидите, узрим на гробех ясно...» В никоновской редакции употреблено слово «узрети», означающее не только смотрение, но и уразумение, понимание (значения смерти). К тому же слово «гроб» употреблено во множественном числе – речь, таким образом, идет не об отдельной смерти, а о смерти, как участи всех. Потому что смерть в никоновском тексте,

это, прежде всего, смерть христианина и уже потом – отдельного человека. Как видим, здесь в текст реформой внесено то же новшество, что и в чин Исповеди: там священник «поднимается» на уровень «священства вообще». Здесь лично греховный христианин так же «поднимается» на уровень «христианина вообще». А если так, то нет места и сосредоточенности на внешнем аспекте смерти, и смерть нужно осознавать как преддверие будущего воскресения. Именно из этого исходят реформаторы, снижая покаянность чина погребения.

Приведенные примеры позволяют увидеть одну из характерных черт верующего, формируемого дониконовским богослужебным текстом: склонность к одинокому предстоянию перед Богом. Эта склонность проявляется как у священника, так и у «простого верующего». И тот, и другой мыслят свое общение с Богом как сугубо личное, без участия каких-либо посредников. Даже в чине Исповеди, где таким посредником должен быть священник, он может понимать в этом качестве крайне ограниченно, поскольку также склонен к одинокому предстоянию Богу и сосредоточенности на своих собственных грехах. Таким образом, реформой меняется характер религиозного акта: одинокое «предстояние» человека Богу меняется на общее, единое с другими верующими. И это изменение, как видим, сразу влечет изменение другой составляющей религиозного акта, которую И.А. Ильин определяет как «чувство ранга». Острое понимание своего несовершенства, характерное для дониконовских текстов, сменяется выходом «человека грешника» на более высокий уровень «христианина вообще».

Очень характерно в этой связи изменение отношения к ритуальным, или обрядовым действиям, также составной части религиозного акта. «Обрядовое благочестие» является одним из главных обвинений в адрес противников никоновской реформы со стороны полемистов, неоднократно указывавших на сосредоточенность старообрядцев

на «внешних» аспектах религии, «мелочное» соблюдение обряда. Первый, наиболее общий взгляд на дониконовские тексты, как будто подтверждает точку зрения полемистов с расколом. Например, дониконовские Требники, в отличие от никоновских, полны точных и подробных описаний действий прежде всего священников, но также и верующих. Вот как принято было, например, готовиться к совершению таинства Исповеди, о котором уже упоминалось выше: «Священник приходит в церковь, и последует ему каяйся, и поставит его пред царскими дверми... В церкви же иерей облечется во священную одежду и возмет Святое Евангелие и Честный крест и положит на налой пред Святыми дверми прямо царских врат... Хотяй же каятися входит со страхом и смирением и сердцем сокрушенным, согбены руце к персем имый... и положит руце и главу на налой, плача со слезами грех своих». Как видим, в тексте описано все – от действий священника до жестов, позы кающегося и даже его слез. А вот никоновская редакция тех же действий по подготовке к таинству: «Приводит духовный отец хотящаго исповедатися единаго, а не два или многия, пред икону Господа нашего Иисуса Христа непокровена». Таким образом, пространное описание сводится к нескольким строкам, содержащим, по мнению реформаторов, главное: исповедь проходит наедине перед иконой Христа. Таким же образом сокращены описания действий священника во многих чинах Требника. Вот, в частности, описание таинства Крещения в Требнике 1658 года: «Крещает его священник проста его держа и зряща на восток, во Имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь, на коемждо приглашении низводя его и возводя...» Это описание заменило дониконовское, куда более пространное: «Таже крещает, глаголя: Крещается раб Божий, имярек, во Имя Отца, и погружает его к востоку лицом единою, и возводит, глаголя аминь. Таже паки второе погружает его и глаголет, и Сына, аминь. И паки

третье: и Святаго Духа, аминь». Никоновское описание лишено «лишних» подробностей, однако стоит заметить, что слова «низводити» и «возводити» могут пониматься как в смысле полного погружения в воду, так и в смысле просто поднимания и опускания. Но, самое главное, сокращение подробного описания действий священника стало, видимо, причиной того, что противники реформы постоянно обвиняли «никониан» во введении обливательного Крещения. Безусловно, это говорит не только о неприятии, но и о непонимании сокращенного описания действий священника и действительно может трактоваться как «обрядовое благочестие» или как проявление «религиозной гетерономии». Однако в свете характерного для дониконовского благочестия одинокого предстояния Богу религиозная гетерономия представляется не проявлением «богословской необразованности», а проявлением острого ощущения собственной греховности, неизбежного при постоянном сравнении своей греховности и Божественного совершенства. Именно отсюда – страх совершения даже малейшего греха и проступка, малейшего нарушения ритуала, от чего и уберегало дониконовского священника подробное описание каждого его действия. В свою очередь, выход на обобщенный уровень понимания священника как «представителя священства» и верующего как «одного из христиан», естественно, снижает и сосредоточенность на собственной греховности, а потому нет и столь сильного страха совершения греха. Поэтому на этом уровне понимания вполне логичны обобщенные и менее подробные описания ритуальных действий. И здесь, таким образом, также происходит выход на некоторый уровень обобщенного понимания обрядности.

Приведенные примеры показывают, что одним из важнейших результатов никоновской реформы стало изменение характера религиозного акта: одинокое предстояние Богу с его покаянностью, сознанием своего ничтожества и страхом перед

Богом, Который «все время близ» сменилось предстоянием общим, осознанием своего единства в другими верующими, Церковью, осмыслением в этой точки зрения и богослужения, и Священной истории, наконец, самих догматов, прежде всего, представления о Троицизме Бога. Само по себе это изменение, как представляется, вполне закономерный выход на новый уровень понимания религии и осмысления человека. В этом отношении реформа, видимо, была результатом аккумулярования предшествовавшего религиозного опыта. Здесь может быть уместной аналогия с духовным развитием православного монаха, переходящего от воспитания в себе послушания и отсечения своей воли к развитию добродетелей и борьбе со страстями, а на высших ступенях духовного роста – к молитве о всем мире. Однако переход с этапа на этап имеет строго индивидуальный, а не массовый характер. Но реформаторы XVII века как раз и попытались сделать переход к новому пониманию религии массовым и одномоментным. Особенно болезненно должна была восприниматься реформа перстосложения, поскольку само действие крестного знамения представляет собой элементарную и общедоступную форму богословия, семиотическое содержание этого действия воспринимается любым верующим на любом уровне интеллектуального и духовного развития. В связи с этим намерение реформаторов одномоментно «внедрить» в массы верующих «высокое» богословие, доступное лишь на уровне личной святости, нельзя не признать чрезвычайно амбициозным. К тому же изменение формы перстосложения сопровождалось не менее радикальными реформами богослужебного текста, затрагивавшими характер и элементы структуры религиозного акта. Закономерным представляется то, что масса верующих оказалась не готова к столь резкому переходу на новый уровень, возвышающий человека над его собственной греховностью, что и спровоцировало церковный раскол.

БОГОСЛУЖЕНИЕ. ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ЕДИНОВЕРЧЕСКИХ ХРАМАХ.

ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ТРУДНО переоценить значение уставного, истово совершаемого богослужения для единоверческих приходов. Собственно, их существование обусловлено тем, что находились и находятся люди, желающие молиться и жить по-старому. По словам священномученика Симона, епископа Охтенского, «единоверческие церкви для того и устраиваются, чтобы в них совершалось богослужение с точным соблюдением древних обычаев и обрядов. С другим богослужением единоверческие церкви теряют смысл своего существования, они не удовлетворяют тем целям, для коих были учреждены. Утрачивая присущий им чин Богослужения, они перестают быть православно-старообрядческими церквами и если числятся таковыми, то незаконно, вводя многие души в соблазн и заблуждение. Только в чистоте сохраняемый чин единоверческого Богослужения оправдывает выделение некоторых общин в единоверческие приходы». Написанные в 1908 году слова будущего единоверческого святителя были выстраданы вековым опытом бытия единоверческих приходов. Действительно, если вспомнить самое начало учреждения Единоверия, то митрополитом Платоном была выражена надежда на то, что со временем все единоверцы просветятся, и «ни в чем неразнствующее с Церковью приидут согласие», то есть откажутся от богослужений по старопечатным книгам.

Это противоречие стремлений и определяло взгляды на богослужение в единоверческих церквах и самую его сущность на протяжении первых 117 лет его существования. В настоящей статье хотелось бы обратить внимание на некоторые факты, указывающие, во-первых, на отношение к единоверческому богослужению отдельных иерархов Греко-

Российской церкви и собственно единоверческого духовенства и мирян, во-вторых, на особенности совершения богослужения в некоторых единоверческих приходах в XIX — начале XX веков в-третьих, на трагические изменения, произошедшие в богослужбном чине большинства единоверческих церквей после печальных событий 1917 года, и, наконец, на современное состояние богослужения в единоверческих церквах.

В отличие от времени официального учреждения Единоверия, к середине XIX века высочайшая власть и иерархи Великороссийской церкви в значительной степени осознали миссионерское значение древнерусского богослужения и бытового уклада для вновь открываемых единоверческих приходов. Свидетельством тому служит история присоединения 16 слобод и посадов Черниговского Стародубья к Единоверию. Просители о присоединении, лично беседовавшие с Императором Николаем I в посаде Добрянка в 1845 году, выразили желание иметь священников из Калужской губернии. Святейший Синод на основании Высочайшего повеления, сообразуясь с желанием просителей-старообрядцев, предписал Калужскому преосвященному избрать достойнейших из вверенного ему духовенства и командировать в черниговские слободы.

Сознавая всю важность распространения Единоверия в Стародубье, бывший в то время архиепископ Черниговский и Нежинский Павел в указе от 3 мая 1846 года давал каждому поступавшему на служение в слободы священнику письменный наказ, в котором среди прочих содержались следующие положения: «Все богослужения, таинства и требы христианские совершайте с полным усердием и всегдашней готовностью. Всегда содержите

порядок церковный по старопечатным книгам, печатанным при святейших патриархах Московских, до Никона бывших, без малейшего отступления и нововведения под страхом страшной за то ответственности. <...> Строго держитесь старообрядческих обычаев во всем, даже в семейной жизни и в ношении одеяния...»

Кроме этого наказа, за первым богослужением каждый из новых единоверческих клириков в присутствии всего прихода приносил еще письменное обещание, в котором относительно исполнения служб говорилось: «...Обязуюсь все богослужения и исправления христианских треб совершать по книгам и уставам при святейших Патриархах Московских, до Никона бывших, печатанных без малейшего изменения, не делая никаких нововведений, под опасением строгой ответственности. Имя Христа Спасителя при богослужениях и в молитве произносить “Исус” а не “Иисус”. Аллилуия не четверить, но петь и читать: “Аллилуия, аллилуия”, а в третий – “слава Тебе Боже”. Литургию совершать не на пяти просфорах, а на семи, как принято Церковью по древнепечатному чину и обычаю, неизменно. Совершать богослужения, требы христианские со всевозможным усердием и всегдашней готовностью... К довершению же того, крестное знамение, как на себе изображать благочинно, двуперстно, так и в преподавании благословения во всех случаях преподавать двуперстно».

К сожалению, как отмечает священник Иоанн Чередников, служивший в Стародубье, в начале двадцатого столетия, те добрые начинания, которые были положены архиепископом Павлом, с течением времени были расшатаны. По его словам, «погоня за веяниями века, стремление к легкому и удобоносимому бремени делают свое растлевающее дело». Явление это распространялось повсеместно.

Достаточно объективная картина того, как совершалось в то время богослужение в провинциальных единоверческих церквях, складывается из анализа писем в редакцию петербургского единоверческого журнала «Правда

Православия». На основе этого анализа автор статьи «Что делается в Единоверии?» (№ 3–5, 1908) Г.В. Ветковский пишет, что главными проводниками в единоверческую среду живительных или мертвящих сил являются единоверческие священники. И здесь нередко приходилось наблюдать парадокс: «Ярыми противниками общинного строя и заветов святой старожитности являются в большинстве случаев священники из природных единоверцев. Они-то и стремятся “подвести” Единоверие под Православие через внесение в церковно-богослужебный строй единоверцев разных новшеств». В качестве примера автор приводит ситуацию с единоверческим приходом Казанской иконы Божией Матери села Бетино, Макарьевского уезда Костромской губернии, открытого в начале двадцатого столетия усердными трудами Синодального миссионера, единоверческого протоиерея Ксенофонта Крючкова. После того как первый священник-новатор из православных диаконов был переведен на обычный приход, его сменил сын местного единоверческого благочинного, который при своем поступлении на приход в присутствии отца дал обещание служить по-старому, однако выдерживал это обещание лишь в течение первых трех месяцев. В письме прихожанина этой церкви, жителя соседней деревни Хохлома, звучат слова безысходности: «У нас теперь служба в церкви ни по-единоверчески, ни по-православному, и так гонят единоверцев, не дай Бог!» Автор статьи с горечью восклицает: «Сколько было потрачено труда и средств, чтобы устроить эту церковь, чтобы сломить упорство раскола и привлечь в ограду церковную духовных овец “яже не суть от двора сего”, и все это сделано как бы для того, чтобы волк в образе этого пастыря расхитил и распудил этих овец, и тем обратил в ничто многолетние труды других деятелей!»

Эти и другие проблемы, связанные с совершением богослужения в единоверческих храмах, стали предметом деятельного обсуждения в Шестом Отделе Предсоборного Присутствия, заседавшего в 1906 году, на IV Всероссийском миссионерском съез-

де (Киев, 1908), епархиальных единоверческих съездах Курской, Вятской и Московской епархии, проходивших в 1908–1909 годах, а также Первом (1912) и Втором (1917) Всероссийском съездах православных старообрядцев (единоверцев). Эти представительные собрания единоверцев рассматривали вопрос о богослужении среди первостепенных по важности. Кроме проблемы уставности богослужения, много внимания уделялось унисонному пению и знанию крюков. Так как во многих общинах не было достаточно сведущих клирошан, предлагалось открывать единоверческие школы певцов и псаломщиков, которые могли бы пополнять штаты храмов. Достаточно болезненным для единоверцев был вопрос архиерейского служения по старому чину. Для введения единообразия, Первым Всероссийским единоверческим съездом было принято решение повсеместно за богослужением применять древний архиерейский чиновник, изданный типографией Московской Троице-Введенской единоверческой церкви в 1910 году на основе рукописи XVI века, хранившейся в Московской Синодальной библиотеке за № 640.

Несмотря на все существовавшие проблемы, было в Единоверии и немало приходов, где богослужения отличались истовостью исполнения и изысканной красотой совершения Божественной службы. В особенности это можно сказать о главных храмах двух столиц – старейшего Московского Троице-Введенского и Санкт-Петербургского Никольского единоверческого на Никольской улице. Благодаря заметкам автора журнала «Правда Православия» С. Григорьева, мы имеем много ценных подробностей о совершении богослужения в Никольском храме в начале двадцатого столетия. Данный автор со знанием особенностей церковного устава описывает многие торжественные службы двенадцатых и престольных праздников храма. Из этих описаний мы узнаем о том, что в 1908 году в Никольском храме неоднократно совершал богослужение епископ Кирилл (Смирнов), будущий священномученик, а в то время викарий Санкт-Петербург-

ской епархии, окормлявший единоверческие приходы. Например, владыка Кирилл служил в Крещенскую ночь. Всенощное бдение на этот праздник началось нефимоном – великой павечерницей в 10 часов вечера и затем без расхода служилась заутреня, Божественная литургия, и сам же преосвященный Кирилл совершил водоосвящение по древнему чину. По словам автора заметки, служба эта закончилась, когда «город уже просыпался». В описании праздника мы встречаем упоминание о том, что были прочитаны положенное на этот день толкование Евангелия и слово из Торжественника. Также епископ Кирилл служил в Никольском храме на Духов день, а 10 апреля, в Великий Четверток того же 1908 года, он совершил здесь редкий обряд омовения Престола. Трогательный чин вместе с последовавшей литургией Василия Великого продолжался в течение 10 часов, с 4 утра до 2 часов по полудни. Таким же пониманием нужд единоверцев отличался Курский епископ Питирим, нередко служивший по древнему чину в единоверческих храмах своей епархии.

Представляется интересным расписание богослужений Никольского храма на Страстной и Светлой седмицах 1908 года, приведем его полностью:

«Великий понедельник, вторник и среда:

- утренняя 5 часов утра,
- литургия Преждеосвященных даров с чтением на часах Евангелия от святого Иоанна – 9 часов утра,
- великая павечерница – 5 часов вечера.

Великий четверг:

- утренняя – 4 часа утра,
- часы – 7 часов утра,
- литургия Василия Великого с вечерней в 9 часов утра,
- последование 12 Евангелий – 7 часов вечера.

Великий пяток:

- Царские часы – 9 утра,
- вечерня – 2 часа дня.

Великая суббота:

- утренняя – 2 часа утра,
- часы – 7:30,
- литургия Василия Великого с вечерней – 12 часов дня,

- павечерница – 6 часов вечера,
- полунощница – 10:30 вечера.

Светлое Христово воскресение:

- утренняя с крестным ходом в полночь,
- литургия – непосредственно после утрени.

В дни Светлой седмицы утренняя обычно начиналась в 6 часов утра, а во вторник – в 5 часов утра, сразу же за ней следовала литургия с Крестным ходом. Вечерня совершалась в 5 часов вечера».

Традиция совершать утреню в будние дни с утра была присуща также московским и подмосковным храмам. Об этом мы узнаем из записок миссионера священника Евгения Зубарева в журнале «Миссионерское обозрение» (1904), посетившего храм Архангела Михаила села Михайловская Слобода и отметившего по этому поводу: «Утреню по московскому обычаю начали в 4 утра». В будние дни между утреней и часами допускался расход, то есть перерыв в богослужении.

В описании богослужений Никольского храма указываются еще некоторые особенности, свойственные именно этому приходу, например, на сходе объединенные правый и левый клиросы пели не только «Херувимскую» песнь и «Достойно», но и все песнопения евхаристического канона.

Как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, хоры Никольского и Троице-Введенского храмов отличались замечательным исполнительским мастерством и многочисленностью. Певчие разных поколений: воспитанники реального училища в Никольском храме, дети работников типографии Троице-Введенского храма, взрослые искусные певцы, умудренные опытом старцы украшали своим пением единоверческие службы.

К великому сожалению, почти вся эта красота церковная была утрачена вскоре после 1917 года.

Для характеристики изменений, произошедших в богослужении большинства единоверческих приходов в этот период, процитируем два документа. Первый из них – мемуары Николая Окунева «Дневник москвича». Под 5/18 июня 1921 года автор записал: «Сегодня в канун Троицы вздумал пойти на

всенощную в великолепный единоверческий храм у Салтыкова моста во имя Святой Троицы. Думал, там древлеправославное торжество, уставная служба, крюковое пение, собрание богомольцев старообрядческой складки: бородатых, истовых, в длинных камлотовых поддевках, как это я видел там каких-нибудь 7–8 лет тому назад. Но, увы! Все это отошло в область предания. Священник и дьякон творили свое дело, как в наших епархиальных церквях. В их возгласах не было той своеобразной музыки, которою прельщали любителей и поборников старины протоиереи Звездинский и Шлеев. Видно, эти новые не учились у них, и те унесли с собой свою лепоту в могилу. А богомольцы совсем не типичны: о поддевках и помина нет, и стоят они так же лениво и развязно, как мы в своих церквях. На клиросах очень много детских голосов, должно быть, из школы, состоящей при храме, и никого из старых певцов, таких голосистых и ловких на крюковое пение. Пели хоть немудреное, но нотное, ничего общего с демественным пением не имеющее. Что это? Влияние времени, распушенность причта, политика высшей церковной власти, самодурство членов приходского совета, или самоотречение единоверцев от своих старых заветов?»

Своеобразным ответом на поставленный вопрос служит рапорт благочинного Московских единоверческих церквей протоиерея Гавриила Васютина архиепископу Крутицкому Никандру от 3 февраля 1922 г. В нем отец Гавриил, описывая тогдашнее состояние церковно-приходской жизни единоверческих церквей Москвы и Подмосковья, сообщает:

«Печальные события 1917 года в нашем отечестве особенно неблагоприятно отразились на единоверческих приходах и преимущественно городских. Так как единоверческие приходы вообще не многолюдны и прихожане обычно удалены по местожительству от своих приходских церквей, притом рассеяны по разным частям города, единоверческие церкви тотчас опустели. Приходскому

духовенству пришлось употребить большие усилия найти достаточное количество новых прихожан уже православного [исповедания], чтобы не допустить храмы до закрытия. Привлечение новых прихожан немедленно отразилось на церковном богослужении, а вместе с тем и на отношении к духовенству. Новые прихожане в лице своих представителей – “деятелей” стали требовать иного пения и более краткого богослужения. Единоверческое духовенство не привыкло к произвольным напевам и к произвольным сокращениям богослужения. Явились неизбежные недоразумения и неприятности. Характерность единоверческой службы естественно потерялась, так как единоверческое духовенство никогда не находило поддержки, а неприятностей получало немало... Вследствие безысходной материальной нужды началось бегство единоверческого духовенства. Так, например, в Троицкой единоверческой церкви, что у Салтыкова моста, из пятичленного причта остался только один настоятель, который не может иметь даже сторожа, в Никольской, на Рогожском кладбище – аналогичная ситуация. Эти два прихода, думаю, самые бедные в Москве. В Никольском единоверческом монастыре из приходского причта никого не осталось. И только во Всехсвятском женском монастыре причт сохранился в полном составе (четверо), но два члена причта (а до последнего времени даже три) состоят на гражданской службе. Нужно, впрочем, присоединить, что в селе Михайловская Слобода Бронницкого уезда приходская жизнь не претерпела существенного ущерба. Богослужение там по-прежнему отличается той красотой и вдохновенностью, которая хорошо известна всем бывшим там. Городские же единоверческие приходы, благодаря чрезмерному усилению мирского начала в церковных делах, потеряли красоту богослужения и свой прежний общинный характер. В прежнее время прихожане единодушно с причтом во главе с настоятелем стремились к уставной службе, теперь наоборот – повсеместное стремление ставить во главу

прихода (“общины”) светское лицо, а в Церковь Божию ввести новые напевы и произвольные сокращения... Видно, Господь попустил нам это за то, что прежде, быть может, тяготились продолжительностью богослужения и не ценили того сокровища церковного уклада, в котором имели счастье находиться».

Говоря о следующих семи десятках лет, мы можем наблюдать, как неуклонное сокращение количества единоверческих приходов, число которых в конце 80-х годов, по нашим данным, снизилось всего до трех, так и естественный упадок в исполнении богослужения. Почти позабыто было искусство крюкового пения, хотя, с другой стороны, многие песнопения клиросные старожилы знали наизусть. Утрачивалась и культура чтения на погласицу. Однако при всем оскудении нужно воздать должное тем верующим людям, благодаря которым в это тяжелое время Господь сохранил хоть малое число церквей от закрытия и совершенного уничтожения Единоверия.

В настоящее время богослужение в единоверческих церквях представляет собой довольно разнообразную и тем не менее по большей части отрадную картину. В современных единоверческих приходах практически не существует проблема, бывшая такой болезненной для наших предков, – вопрос об уставности богослужения. В этом отношении большинство общин строго следуют чинам, бывшим в употреблении при первых пяти всероссийских патриархах.

Качество исполнения песнопений весьма разнится в зависимости от наличия знающих певчих в том или ином приходе.

Появившееся разнообразие связано в основном с культурой пения и чтения, используемой ныне в единоверческих храмах. Если до 1990-х годов единоверческие приходы, как и приходы старообрядческой поповщины, употребляли в своем обиходе исключительно пение наречь, то теперь едва ли не половина общин использует за богослужением наонное пение. Для нынешних единоверческих клиросов характерны и

творческий поиск, и попытки сохранить традиции. Немало руководителей хоров имеют светское музыкальное образование, другие же получили изрядные знания от знатоков пения – старообрядцев.

Число совершаемых богослужений также разнится и зависит чаще всего от количества прихожан и наличия певчих. Среди единоверческих приходов есть такие, где службы совершаются по воскресным дням и великим праздникам, а есть и общины, в которых заведено ежедневное богослужение. В некоторых храмах, а именно в Михаило-Архангельском села Михайловская Слобода, московском храме Покрова в Рубцове и храме Рождества Христова в Ири регулярно, несколько раз в год, проводятся архиерейские богослужения древнерусским чином. Хотелось бы отметить тонкое понимание нужд единоверцев, которое проявляют митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, и епископ Каракасский Южно-Американский Иоанн при совершении таких служб.

Очень интересной с точки зрения исполнения богослужения является община храма Рождества Христова города Ири штата Пенсильвания в США, которая присоединилась к РПЦЗ в 1983 году. Еще до присоединения тогдашний наставник, а нынешний настоятель храма протоиерей Пимен Саймон выступил инициатором перевода богослужения на английский язык. Третье-четвертое поколения поморцев, переселившихся в США в начале двадцатого века, практически не понимало смысла богослужебных текстов. В связи с этим, чтобы предотвратить окончательное угасание общины, был предпринят огромный труд по переводу древнерусского богослужения на

английский язык, но не на сегодняшний, а современный оригиналу язык изданий Священного Писания короля Иакова.

Немало современных единоверцев в России имеют двуязычный молитвенник, изданный Иривской общиной, который содержит в том числе службы суточного круга и последование Божественной литургии. Над его переводом и редактированием потрудились приснопоминаемый епископ Даниил Иривский, епископ Иоанн Каракасский и Южно-Американский, игумен Герман (Чуба), протоиереи Пимен Саймон и Феодор Юревич. Как говорили сами иривцы, наибольшее опасение у них вызывало то, как будут звучать при пении английские слова, положенные на древнерусские крюки. Однако их тревоги были напрасными, древнеанглийский в крюках звучит также красиво, как и славянский язык. Труд по переложению английских песнопений на крюки взял на себя диакон Филипп Саймон, он же обучил крюковому пению и многих певчих храма Рождества Христова в Ири.

Обобщая сказанное о современном состоянии богослужения в единоверческих приходах, можно заключить, что имеющиеся различия в его совершении не служат в настоящее время предметом раздора. Эти различия показывают лишь многообразие древнерусских богослужебных традиций.

Главное же, чем должны руководствоваться сегодняшние священнослужители, певчие и чтецы, – это сохранение той неугаваемой истовости и благоговейного отношения к исполнению Божественных служб, которыми отличались лучшие единоверческие приходы в прошлом.

ИЗДАНИЕ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Главный редактор: св. игумен Иринарх
 Ответственный за выпуск: иерей Е. Саранча

Заведующий производством: диакон И. Краев
 Корректор: А. Шнеппс-Шнеппе

Фото: А. Шнеппс-Шнеппе, Г. Аниканов,
 иерей Е. Саранча

Дорогие читатели, низжайше просим Вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно,
 Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.